

Ли Юаньцзинь выпил чашку женьшеневого отвара, и цвет его лица начал понемногу улучшаться.

После обеда с кухни прислали еще немного овсяного отвара и лекарственной каши. Поев, Ли Юаньцзинь почувствовал, что дыхание его стало гораздо ровнее.

Он очнулся, когда уже была глубокая ночь. Сильный снегопад, начавшийся еще утром, все никак не унимался.

Луны на небе не было. Открыв глаза, Ли Юаньцзинь обнаружил вокруг лишь непроглядную тьму и пугающую тишину. Только тепло от прогретого пола и жгучий жар внутри собственного тела напоминали ему о том, что он еще жив.

— Сяо Янь...

Ли Юаньцзинь попытался приподняться, но внезапно из темноты вытянулась чья-то крупная рука и железной хваткой вцепилась ему в горло.

— М-м... Глава...

Ли Юаньцзинь постепенно привык к полумраку и узнал холодный аромат, исходивший от человека, который был совсем рядом.

— Спрашиваю в последний раз: ты сам-то хочешь быть наложником, которого секта Цинчэн отравила в качестве приданого?

Хочет ли он?

Ли Юаньцзинь с недоумением смотрел на этого почти безумного мужчину. Он не понимал, зачем тот вообще об этом спрашивает. Кто он такой, этот ничтожный раб, чтобы иметь право желать или не желать чего-либо?

У него нет такого права.

Чтобы выжить, он готов на все.

— Слуга... желает.

— Лжешь.

— ...

— Ты лжешь!

Шэн Шэчуань сжал пальцы с невероятной силой, словно хотел задушить Ли Юаньцзиня — казалось, только так он сможет избавиться от собственной мучительной досады.

Он не понимал, почему все, кто доставался ему, никогда не шли к нему по доброй воле.

Он когда-то так сильно любил Лу Цюаньюаня, но тот лишь после свадьбы признался, что сердце его принадлежит другому.

А теперь этот Ду Ую, этот Ли Юаньцзинь... никто из них не хотел связывать с ним жизнь!

Неужели небеса, одарив его талантом, властью и богатством, решили взамен отобрать то, что было ему дороже всего, — искренние чувства, о которых он так жалел?

Бедный Ли Юаньцзинь и понятия не имел, о чем думает Шэн Шэчуань. Он лишь чувствовал, что Глава в ярости — в чудовищной, неконтролируемой ярости, — и что он вымещает на нем свою злобу. Значит, нужно сделать все, чтобы угодить ему.

Ли Юаньцзинь посмотрел на Шэн Шэчуаня умоляющим взглядом и начал дрожащими руками распускать пояс халата. Кроме того постыдного, низкого мастерства, которому его обучили, он не мог придумать другого способа унять гнев Главы.

— Слуга... будет прислуживать Главе, слуга...

Ли Юаньцзиню не хватало воздуха, отчаяние подступило к горлу, и слезы градом покатались из глаз. Он с мольбой смотрел на Шэн Шэчуаня, не зная, помогут ли его действия вымолить себе шанс на спасение.

В последний момент Шэн Шэчуань внезапно проявил милость и разжал пальцы.

Обретя свободу, Ли Юаньцзинь судорожно перевернулся и начал жадно хватать ртом воздух. Слезы, как рассыпавшиеся бусины, падали на постель.

Однако даже сейчас он не смел издать ни звука, боясь снова разгневать Шэн Шэчуаня.

Шэн Шэчуань, разумеется, видел, как тот пытался раздеться, и понимал, чего этот измученный мальчишка пытается добиться таким поведением.

Но стоило ему вспомнить, что в сердце Ли Юаньцзиня есть другой и что он достался ему не по доброй воле, как всякое желание пропадало, сменяясь чувством омерзения.

Шэн Шэчуань поднялся с постели, собираясь уйти, и бросил через плечо:

— Я дам тебе щедрую компенсацию. После сегодняшнего дня ты больше не мой наложник. Как только поправишься, уходи из секты Сунъюэ. Это место не для тебя, живи так, как сам того хочешь.

Шэн Шэчуань считал, что поступил благородно. Он действительно собирался выплатить Ли Юаньцзиню огромную сумму — денег хватило бы на безбедную жизнь до конца дней.

Но он не знал, что для Ли Юаньцзиня изгнание из секты Сунъюэ равносильно возвращению в секту Цинчэн, в тот ад под названием Шэньлоу, где людей пожирали заживо. Сколько бы денег ему ни дали, это не спасло бы его от вечных мук и участи хуже смерти.

Ли Юаньцзинь не мог даже представить, что его ждет за воротами секты. Забыв о боли в теле, он в отчаянии бросился к ногам Шэн Шэчуаня:

— Глава, прошу, останьтесь! Глава... чем я вас прогневал? Если А-Юань в чем-то виноват, можете наказывать меня как угодно, я обязательно исправлюсь!

Шэн Шэчуань замер на месте, не понимая, что творится у него на душе.

— Глава... раз уж А-Юань попал в секту Сунъюэ, я буду свято чтить ваши правила. Прошу, позвольте мне остаться. Я готов на все, что вы прикажете.

— Кто такой Жун-гэ?

— Что? — Ли Юаньцзинь решил, что ослышался. Имя, всплывшее из глубин памяти, словно острый клинок, вонзилось в самое сердце, причинив нестерпимую боль — куда более страшную, чем недавнее удушье.

— Когда ты был без сознания, ты звал его по имени.

— Он мой... он... — Ли Юаньцзинь долго пытался подобрать слова, чтобы назвать того, кто когда-то предал его, того «лжеца».

Шэн Шэчуань обернулся к нему:

— Он твой возлюбленный? Верно?

От слова «возлюбленный» слезы вновь хлынули из глаз Ли Юаньцзиня, но он прошептал, стараясь, чтобы его услышали:

— Нет...

— Он не мой возлюбленный. С того дня, как я последовал за госпожой в секту Суньюэ и стал вашим, Глава, вы — мой единственный возлюбленный. И никаких других мыслей у меня нет и быть не может.

— Хм... — Шэн Шэчуань не был дураком. Эти слова не принесли ему облегчения, лишь вызвали горькую усмешку над самим собой.

С каких пор он стал слушать такие сладкие речи от того, кто лежит с ним в одной постели?

Этот Ли Юаньцзинь был до смешного жалок. Каждый раз, когда он слышал имя того человека, в его глазах отражалась такая боль, но он все равно, как упрямый ребенок, сжимал кулаки и заставлял себя произносить эти лживые клятвы.

Поняв это, Шэн Шэчуань холодно усмехнулся и решил припугнуть его, чтобы тот отступил:

— Вот как? Значит, чтобы ублажить меня, ты готов на все?

— ... — Ли Юаньцзинь усердно закивал, не смея поднять глаз.

— Хорошо. С этого дня запрещаю тебе произносить его имя. Без моего позволения никуда не выходить, ни с кем не видаться и не разговаривать. Ты будешь сидеть в этой комнате, слушаться меня во всем и делать все, чтобы я был доволен. Если ослушаешься хоть в чем-то — я немедленно вышвырну тебя вон. Ты согласен?

Ли Юаньцзинь ошарашенно смотрел на Шэн Шэчуаня, но спустя долгое время решительно кивнул.

Это означало, что он согласен!

Ли Юаньцзинь согласился так быстро, что Шэн Шэчуань даже растерялся.

Для Ли Юаньцзиня остаться рядом с Шэн Шэчуанем, который не испытывал к нему любви и лишь вымещал на нем злобу, было куда безопаснее и надежнее, чем возвращаться в Шэньлоу.

В конце концов... Шэньлоу — это место, где «пожирают людей».

Еще когда он был невинным юношей, люди из Шэньлоу уже пытались к нему подступить.

Он боялся даже представить, какой кошмар ждет его, если он вернется туда сломленным и

оскверненным.

Увы, Шэн Шэчуань этого не понимал.

Он смотрел сверху вниз на этого упрямого мальчишку и не мог понять: почему тот совсем не ценит собственного достоинства? Почему он готов терпеть мучения от того, кто его не любит, и быть чьей-то тенью, лишь бы не вернуться домой и не остаться самим собой?

— Хорошо. Посмотрим, надолго ли тебя хватит, — произнес Шэн Шэчуань, подцепив пальцем подбородок Ли Юаньцзиня. — Приступай к своим обязанностям.

<http://bllate.org/book/22248/2326793>